Илиона «оставлена от всех, лишенная всего», «Не может, — как признается она сама, — в бедности сыскать себе покою». Мемнон изображает ее трагическое положение:

Ах, лучше б со стены низринуту разбиться,
И ей в крови своей невинной обагриться!
Со братними костьми соединясь лежать,
И купно пепел свой с отеческим смешать,
Как ныне преклонить куда главу не зная,
Не видеть горести неслыханныя края!

(Д IV, явл 4)

Илиона — жертва войны, все ее близкие и соотечественники погибли во время защиты Трои; она исполнена горя, обиды и чувства ненависти побежденного к победителю. Она глубоко несчастна и в своем личном чувстве к Полимнестору. Ничто не привлекает ее, так как любимый человек не отвечает ей взаимностью. «Ни царство уж меня, ни слава не прельщает, которые в ничто судьбина превращает», — говорит она.

Илиона изображена человеком сильных чувств, неспособным на компромиссы с совестью, правдивым. Лишь необходимость спасти брата от гибели заставила ее лгать. Обстоятельства жизни сделали и ее злой и мстительной.

Так же как и Филлида, она чужда рефлексии, в душе ее нет никакой внутренней борьбы, она полна воли и решимости. Нетерпимая и страстная, она, как и Филлида, готова мстить своим обидчикам.

В трагедии с особенным подъемом и художественной силой написаны монологи Илионы и высказывания о ней других персонажей.

Любовь в «Демофонте» изображена Ломоносовым более многогранно, нежели Сумароковым в трагедиях того же времени. Так, страстная любовь Илионы к Полимнестору сочетается с желанием найти в нем жизненную опору. Сирота, беззащитная, терзаемая тяжелыми воспоминаниями о гибели своих соотечественников и кровно близких людей, она тянется к Полимнестору как к защитнику и утешителю. Сюда же примешивается сознание ею своих прав на него, так как давно было условлено, что она его невеста. Таким образом, чувство Илионы к Полимнестору представляет собой не только влечение природы, но и целую гамму иных чувств и переживаний.

Образ Полимнестора является одним из главных в трагедии, хотя последняя не озаглавлена его именем. Не так открыто и прямолинейно, как делал в своих трагедиях Сумароков, решал Ломоносов здесь тему правителя. Вероятно, опасаясь навлечь